

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ БЫЛИННЫХЪ СЮЖЕТОВЪ.

IV *).

Илья Муромецъ и Ерусланъ Лазаревичъ.

Въ „Экскурсахъ въ область русскаго народнаго эпоса“ (стр. 167—170) я привелъ нѣсколько примѣровъ вліянія сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ на былины и сказки объ Ильѣ Муромцѣ, причѣмъ коснулся этого вопроса мимоходомъ, безъ намѣренія его исчерпать. Отмѣчу здѣсь одну любопытную былину, представляющую яркій примѣръ смѣшенія обѣихъ личностей. Эта былина, записанная М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова и изданная Е. Варсовымъ въ „Памятникахъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи“ (стр. 22—29), представляетъ сводный, весьма спутанный пересказъ цѣлаго ряда походовъ Ильи Муромца. Сначала говорится о „розстани“ съ тремя обычными надписями. Илья ѣдетъ по той дорогѣ, гдѣ ѣдущему угрожаетъ смерть, встрѣчаетъ 400 разбойниковъ и, побивъ ихъ, пріѣзжаетъ къ Одѣлицу поганому. Одолѣвъ и „растрепавъ“ Одѣлице, онъ ѣдетъ въ какое то царство „незнакомое“ къ королю, который проситъ его быть защитникомъ его города. Илья отказывается и ѣдетъ по направленію къ Киеву. Слѣдуетъ встрѣча съ Соловьемъ Рахманымъ, причѣмъ послѣдній представленъ богатыремъ, встрѣчающимъ Илью на конѣ. Илья вышибаетъ Соловья изъ сѣдла, какъ Ерусланъ сторожа Ивашку, привязываетъ его въ торока и ѣдетъ къ его двору. Богатыря встрѣчаютъ дочери Соловья и „Прогдворятъ богатырю да таково слово:
Умертвилъ ты нашего родителя“!

*) См. «Этн. Обзор.» X, 166; XI, 1.

Проговорилъ старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивано-
вичъ:

„Знаешь ли ты, бѣлая дочь Соловья Рахманаго?

„Есть ли храбрѣ меня, воина Илья Муромца,
А красивѣ тебя“?

Проговорить дочь великая Соловья Рахманаго:

„Я твоей храбрости не вѣдаю,

„Стара казака Илья Муромца и сына Ивановича,

„А своей красоты да дѣвичьей не могу я знать“!

У мѣншой у сестры спрашиваетъ старый казакъ Илья Му-

„Есть ли красивѣ тебя и храбрѣ меня“? [ромецъ:

Проговорить меньшая дочь Соловья Рахманова:

„Во подсолнечномъ градѣ у короля

Есть дочь единая; брови у ней—черна соболя,

Очи у ней—ясна сокола,

По косицамъ у ней звѣзды частыя“.

Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.

Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,

Ко городу ко Кіеву

Увидать-то мнѣ надо Солнышко-князя Владиміра сто-
лно-кіевскаго“.

Былина оканчивается прїездомъ Илья въ Кіевъ, причемъ сказитель совсѣмъ уже позабылъ, что Илья привезъ туда Соловья разбойника. Кіевскіе богатыри встрѣчаютъ Илью прївѣтствіемъ:

„Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій
Держимъ мы надежду на тебя да великую, — [братъ!

Будь же ты городу Кіеву да защитчикъ“!

Очевидно, содержаніе былины настолько спутано и стихъ настолько разложился, что она скорѣе представляется неудачной попыткой сказителя придать сказкѣ былинный складъ. Не представляя поэтому интереса, какъ былина, эта побы-вальщина любопытна въ другомъ отношеніи: она показываетъ съ какою непринужденностью и легкомысліемъ иногда сказители, плохо помня детали былины, вводятъ въ разсказъ черты изъ запаса своей памяти по части сказокъ. Такъ, дочери Соловья разбойника напомнили сказителю тѣхъ двухъ

прекрасныхъ царевенъ, съ которыми встрѣчался Ерусланъ по дорогѣ въ царство индѣйское. Вспомнимъ, что Ерусланъ спрашиваетъ сначала одну царевну: „есть ли на свѣтѣ вась, царевенъ, краше, а меня, Еруслана, удалѣе“? За ея отвѣтъ, что краше ихъ дочь индѣйскаго царя, а удалѣе Еруслана—сторожъ того же царя, Ивашка, Ерусланъ убиваетъ ее и съ тѣмъ же вопросомъ обращается къ ея сестрѣ. Та отвѣчаетъ ему, что дочь индѣйскаго царя краше ея, но удалѣе его, Еруслана, никого нѣтъ на свѣтѣ. За такой отвѣтъ Ерусланъ оставляетъ ее въ живыхъ и ѣдетъ въ индѣйское царство ¹⁾, гдѣ женится на дочери индѣйскаго царя, избавивъ ее отъ змѣя. Такимъ образомъ, въ сказкѣ отвѣтъ второй царевны служить завязкой дальнѣйшаго похождения героя, между тѣмъ какъ въ былинѣ Щеголенкова отвѣтъ второй дочери Соловья не имѣетъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій: выслушавъ его, Илья вовсе не покушается, какъ Ерусланъ, отыскать красавицу подсолнечнаго града, а ѣдетъ въ Кіевъ къ князю Владиміру. Да и роль рыцаря искателя красавицъ вовсе не идетъ старому казаку. Очевидно, такимъ образомъ, что Щеголенковъ чисто механически перенесъ двѣ-три детали изъ сказки о Ерусланѣ въ былинѣ объ Ильѣ, не задаваясь вопросомъ о томъ, насколько пристала Ильѣ роль Еруслана.

Другимъ еще болѣе яркимъ примѣромъ смѣшенія былинныхъ подвиговъ Ильи Муромца съ похождениями Еруслана можетъ служить одна малорусская сказка объ Ильѣ *Муринѣ*, записанная еще въ 60-хъ годахъ гдѣ то въ Волинской губерніи, но еще не изданная ²⁾.

Илья, крестьянскій сынъ, сидѣлъ сиднемъ 45 лѣтъ. Странники—Господь, Петръ и Павелъ—просятъ его принести воды напиться. Узнавъ изъ его отвѣта, что онъ не можетъ ходить, Господь даетъ ему палку, опершись о которую Илья всталъ и приноситъ воды. По приказанію Господа, онъ самъ выпилъ воду и почувалъ такую силу, что перекинулъ трижды

¹⁾ «Эскурсы», стр. 155.

²⁾ Полный текстъ сказки, по словамъ В. В. Каллаша, давашаго мнѣ возможность воспользоваться ея содержаніемъ, будетъ напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ».

скалу во дворѣ и заявилъ, что еслибъ былъ желѣзный столбъ въ землѣ, то, ухватившись за него, онъ перевернулъ бы землю. Повелѣвъ Ильѣ напиться снова, Господь убавилъ его силу, такъ что онъ перекинулъ скалу только два раза, а въ третій не смогъ. Странники ушли. Илья пошелъ въ поле къ родителямъ и понесъ имъ *барилку* съ питьемъ. Затѣмъ, пока родители завтракали, онъ накорчевалъ огромное пространство, вырывая дубы руками. По возвращеніи домой, онъ просить отца купить ему коня. Но купленный конь оказался негоденъ, такъ какъ упалъ на землю, когда Илья положилъ на него руку. Тогда Илья самъ пошелъ искать себѣ коня и по указанію табунщика поймалъ въ табунѣ плохого на видъ жеребца. Приведа его домой, онъ выхоллил его, и конь сталъ богатырскимъ. Затѣмъ Илья просить отца заказать ему у кузнеца мечъ и копье. Оружіе было готово, но отецъ не могъ его принести—такъ оно было тяжело: мечъ вѣсилъ 40 пудовъ, копье—50. Принесши оружіе, Илья сѣлъ на коня безъ сѣдла и шлема и поѣхалъ. Въ одномъ лѣсу ему повстрѣчался одинъ человекъ, который сказалъ ему, чтобы онъ не ѣздилъ черезъ лѣсъ: тамъ богатырь Соловей свистомъ убиваетъ людей и вырываетъ дубы съ корнями. Илья все-таки ѣдетъ дальше и подѣзжаетъ ко дворцу (палацу) Соловья. Отъ свиста Соловья конь Ильи спотынулся, но Илья обругалъ коня и ѣдетъ впередъ. Со страху Соловей свалился и пытался убѣжать, но Илья догналъ его, ранилъ копьемъ и привязалъ къ коню, затѣмъ сталъ разбивать 12 дверей его дворца. Во внутренней комнатѣ онъ нашелъ старуху и двухъ дочерей Соловья. Старуха предлагаетъ ему любую дочь въ жены. На это онъ сказалъ, что поѣдетъ по свѣту, и если не найдетъ дѣвушекъ красивѣе, то возьметъ одну изъ дочерей Соловья. Затѣмъ Илья ѣдетъ далѣе съ Соловьемъ и привѣзжаетъ въ городъ къ одному великому купцу, который спрашиваетъ его, какой дорогой онъ ѣхалъ. Узнавъ, что Илья привезъ Соловья, купецъ просить его войти въ хату. Илья вошелъ, но его не выдерживаютъ полы и кресла. Выѣхавъ изъ города, Илья бросилъ Соловья и поѣхалъ дальше. Слѣдуетъ встрѣча съ незнакомымъ богатыремъ и бой. Илья въ третьей стычкѣ опрокинулъ богатыря, но по его просьбѣ

пощадилъ его; они побратались и поѣхали вмѣстѣ дальше. По дорогѣ встрѣчаютъ гробъ. Богатырь легъ въ гробъ, Илья 30 разъ ударилъ по крышкѣ копьемъ и на нейросло 30 обручей. Затѣмъ Илья взялъ доспѣхъ богатыря и поѣхалъ дальше. Въ одной долиинѣ онъ видитъ множество побитыхъ людей, а далѣе палатку, у которой стоитъ богатырскій конь. Муринъ вошелъ въ палатку, увидалъ тамъ спящаго богатыря, хотѣлъ его убить, но раздумалъ и самъ легъ спать около него. Незнакомый богатырь проснулся, хотѣлъ въ свою очередь убить спящаго Илью, но раздумалъ и подождалъ, пока Илья проснется. Затѣмъ богатыри вступили въ бой и послѣ третьей сшибки Илья разсѣкъ противнику голову. На дальнѣйшемъ пути Илья Муринъ въ одной долиинѣ находитъ спящую панну и, позабавившись съ ней, говоритъ: „есть ли гдѣ сильнѣе меня и краше тебя“? Панна отвѣчаетъ, что въ такой то странѣ есть дѣвица красивѣе ея, но ее стережетъ сильный богатырь. Илья убиваетъ спящаго сторожа, разбиваетъ 12 желѣзныхъ дверей въ домѣ красавицы и доходитъ до нея. Она обѣщается выйти за него замужъ, если онъ убьетъ 30-ти головаго змѣя. Илья велитъ принести себѣ пряжи и смолы, обвивается пряжей, обливается смолой и ѣдетъ биться со змѣемъ. Въ бою онъ отрубилъ змѣю 20 головъ и тотъ попросилъ пощады, обѣщавъ Илѣ драгоцѣнный камень, если онъ оставитъ ему 10 головъ. Илья садится на змѣя, спускается въ воду и достаетъ камень. Изъ него онъ сдѣлалъ себѣ перстень, а другую часть оставилъ для перстня своему будущему сыну отъ избавленной отъ змѣя красавицы. Покинувъ жену, онъ поѣхалъ дальше, пріѣхавъ на одинъ дворъ, гдѣ нашелъ 12 богатырей, караулившихъ красавицу. Илья добрался и до этой панны, которая была такъ хороша, что онъ остался у нея и забылъ жену. Между тѣмъ, у послѣдней родился богатырскій мальчикъ, который росъ не по днямъ, а по часамъ. Уже двухъ лѣтъ онъ не былъ слабѣе отца. Мальчикъ вооружается дѣдовскимъ оружіемъ, садится на дѣдовскаго коня и ѣдетъ отыскивать отца. Онъ подѣзжаетъ къ городу, гдѣ жилъ Илья Муринъ. Тотъ выѣзжаетъ, встрѣчаетъ юнаго богатыря и вступаетъ съ нимъ въ бой. Ударомъ копья Илья сшибъ противника съ коня, хотѣлъ убить его,

но замѣтилъ на его рукѣ перстень и спросилъ, кто его отецъ. Мальчикъ говоритъ, и отецъ признаетъ сына. Они живутъ нѣкоторое время вмѣстѣ. Вотъ сыну приснилось, что какой-то богатырь выкололъ глаза его дѣду и бабкѣ и посадилъ ихъ въ тюрьму. Отецъ съ сыномъ поѣхали. На дорогѣ имъ встрѣтился старый богатырь и сынъ его убилъ. Слепой дѣдъ говоритъ, что для исцѣленія ему нужно помазать глаза сердцемъ одного богатыря-чародѣя. Илья отправляется искать того богатыря. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ исполинскую голову, вынимаетъ, съ ея согласія, изъ подъ нея мечъ, которымъ однимъ можно убить того „неправеднаго“ богатыря, и узнаетъ отъ головы, что онъ долженъ этимъ мечомъ ударить врага однажды. Поѣхавъ дальше, онъ подѣзжаетъ къ 12 богатырямъ, составлявшимъ дружину „неправеднаго“ богатыря. Они спросили его, пріѣхалъ-ли онъ биться, или мириться. Илья отвѣтилъ, что пріѣхалъ мириться, подошелъ къ главному богатырю, ударилъ его мечомъ и разсѣкъ надвое. Другіе богатыри крикнули ему: „бей еще разъ“! Но Илья не повторилъ удара (а то неправедный богатырь ожилъ-бы), вынулъ изъ него сердце и поѣхалъ обратно. Подѣзжавъ къ головѣ, онъ приставилъ ее къ туловищу, помазалъ сердцемъ „неправеднаго“ богатыря и такимъ образомъ воскресилъ великана. Затѣмъ, онъ пріѣхалъ къ тюрьмѣ, помазалъ глаза отцу и матери и вернулъ имъ зрѣніе.

При бѣгломъ просмотрѣ этой малорусской сказки объ Ильѣ Муринѣ не трудно убѣдиться, что большая часть ея содержания взята изъ сказки о Ерусланѣ. Изъ обычныхъ сказокъ объ Ильѣ Муромцѣ взято только начало: исцѣленіе сорокалѣтняго сидня чудесными странниками, корчеваніе лѣса, пріобрѣтеніе жеребца, встрѣча съ Соловьемъ разбойникомъ. Но все дальнѣйшее уже относится къ походамъ Еруслана, этого искателя красавицъ, хотя въ эпизодѣ о встрѣчѣ Ильи съ однимъ богатыремъ, послѣ его выѣзда изъ дома великаго купца (соотвѣтствующаго былинному Владиміру), припутался извѣстный рассказъ о гробѣ Святогора. Конечно, и отдѣльные эпизоды сказки о Ерусланѣ являются въ малорусской сказкѣ въ значительно исковерканномъ и спутанномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, Ерусланъ возвращаетъ зрѣніе царю Кар-

таусу и своему отцу Залазару и притомъ этотъ подвигъ его принадлежитъ къ начальнымъ. Мурина же испѣляетъ только отца съ матерью и этотъ подвигъ перенесенъ въ самый конецъ сказки. Во встрѣчѣ Мурина со спящимъ въ шатрѣ богатыремъ не трудно узнать похождение Еруслана съ *русскимъ* богатыремъ князь Иваномъ, но Ерусланъ затѣмъ помогаетъ Ивану въ битвѣ съ Θεодуломъ змѣемъ и добываетъ ему дочь Θεодула, а въ малорусской сказкѣ Ильѣ убиваетъ этого богатыря въ бою. вмѣсто двухъ красавиць-царевенъ, найденныхъ Ерусланомъ въ шатрѣ, въ сказкѣ упоминается *одна* панна. Сильно скомканы и дальнѣйшіе эпизоды: бой Еруслана со сторожемъ Ивашкой, со змѣемъ и съ сыномъ. Еще больше искажена встрѣча Еруслана съ исполинской головой (Росланей) и добываніе печени Зеленаго царя. Вообще окончаніе сказки рассказчикъ помнилъ гораздо хуже, чѣмъ начало.

Но при всѣхъ искаженіяхъ и сокращеніяхъ малорусская сказка все-же представляетъ на нашъ взглядъ значительный интересъ, подтверждая болѣе, чѣмъ всѣ доселѣ извѣстныя сказки объ Ильѣ, какъ свободно въ народѣ на популярное имя Ильи Муромца переносились пѣхженія Еруслана Лазаревича.

V.

Ильѣ Муровичъ въ казацкой пѣснѣ.

Въ небольшомъ сборничкѣ пѣсенъ, записанныхъ К. І. Борусевичемъ въ станицѣ Червленой (Кизлярскаго отдѣла Терской области) и доставленныхъ имъ недавно въ Этнографическій отдѣлъ, я нашелъ приводимую ниже пѣсню, представляющую нѣкоторый интересъ для вопроса о прозвищѣ Ильи. Привожу эту пѣсню вполнѣ согласно съ записью г. Борусевича, который по поводу своихъ записей пѣсенъ замѣчаетъ: „при записываніи пѣсенъ мною исправляемы онѣ не были и записывались точно со словъ пѣвца, хотя въ иныхъ мѣстахъ и страдаютъ присутствіемъ безсмыслицы, неясностей и т. п.“

Не во славномъ было во го-	Еще тамъ жила-то была
родѣ,	Красная дѣвушка,
Было въ Вавилоновичѣ,	Она дочь отецкая.

Илья Муровичъ, ни Муромецъ, хотя населеніе станицы, по словамъ г. Малявкина, имѣеть довольно богатый пѣсенный репертуаръ ¹⁾ и хотя въ тетрадкѣ, присланной г. Борусевичемъ, мы находимъ нѣсколько старинныхъ историческихъ пѣсень. Станица Червленая одна изъ древнѣйшихъ станицъ по Тереку, и сами жители считаютъ ее старше всѣхъ окружающихъ. Основное населеніе состоитъ изъ казаковъ-гребенцовъ, принадлежащихъ въ большинствѣ къ бѣглопоповскому толку, и сохранило нѣкоторые интересные старинные обряды, на которые указываетъ въ своей статьѣ г. Малявкинъ. Поэтому нужно думать, что имя Илья Муровичъ не позднѣйшее искаженіе изъ Ильи Муромца, но было принесено на берега Терека старинными поселенцами, великорусскими гребенскими казаками, основавшими станицу въ 1711 году²⁾. Притомъ и пѣсня, въ которой мы встрѣчаемся съ Муровичемъ, носитъ нѣкоторые признаки былиннаго склада. Мнѣ она представляется былиннымъ отрывкомъ, перешедшимъ въ разрядъ „женскихъ“ пѣсень. Этотъ переходъ сказывается въ растлутости разсказа, въ безпрестанныхъ вставкахъ лишнихъ словъ вродѣ „красная дѣвушка“, „еще-то“, „вотъ“ и т. п., въ перемѣнѣ въ 6-мъ стихѣ мѣстоимѣнія 3-го лица на 1-е (къ *мому* родному батюшкѣ); но при устраненіи подобныхъ позднѣйшихъ искаженій не трудно возстановить пѣсню въ болѣе древнемъ былинномъ складѣ, напримѣръ, въ такомъ видѣ:

Во славномъ, во городѣ Вавилоновичѣ,
 Жила то была красна дѣвица,
 Красна дѣвица — дочь отецкая, и т. д.

Другое основаніе для предположенія, что имя Илья Муровичъ не было только случайно вставлено въ „женскую“ пѣсню, а принадлежало ей въ ея болѣе древнемъ видѣ, я вижу въ томъ, что приведенная пѣсня напоминаетъ другую, впрочемъ, не менѣе искаженную, въ которой также рѣчь идетъ о встрѣчѣ ушедшей изъ дому дѣвицы съ Ильей Муромцемъ. Я имѣю въ виду весьма спутанную былинну, запи-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 59.

²⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VIII, стр. 69.

санную въ с. Языковѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирск. губ. и изданную въ Сборникѣ Кирѣевскаго *). Былина склеена изъ двухъ частей, которыхъ связь не ясна. Въ первой части разсказывается поѣздка Ильи Муромца „подъ матушку Софу рѣку“, причемъ богатырь

Наѣзжалъ въ чистомъ полѣ диковинку—

Разѣздную походную красну дѣвицу.

Не доѣхавши, онъ остановится:

„Охъ, ты гой еси, душа ли красна дѣвица!

„Охъ, ты что една въ чистомъ полѣ казакуешь?

„Какого ты роду, царскаго или барскаго,

„Или сильнаго роду княженецкаго?“

Возговорить красна дѣвица:

— Охъ, ты гой еси, старый казакъ Илья Муромецъ!

— Я не царскаго роду и не барскаго,

— И не сильнаго роду княженецкаго:

— Я жила была у батюшки дочь гостиная,

— Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣней,

— Отъ того Олеша Поповича,

— Отъ насмѣшника-пересмѣшника. —

Возговорить старый казакъ Илья Муромецъ:

„Охъ, ты гой еси, душа ли красна дѣвица!

„Охъ, ты что мнѣ давно не сказалася?

„Я бы съ Олешей перевѣдался!

„Я бы снялъ съ Олеша буйну голову“.

Вторая часть быliny разсказываетъ о встрѣчѣ Ильи съ злымъ татарченкомъ, который нападаетъ на Илью, спящаго въ шатрѣ, и кончается обычной расправой Ильи съ его коварнымъ сыномъ (Сокольниковъ, Сбутомъ, Борисомъ и др.). Встрѣча же Ильи съ красной дѣвицей не имѣетъ никакихъ послѣдствій и кончается однимъ разговоромъ.

Конечно, слишкомъ большой близости 1-я часть изложенной быliny не представляетъ съ пѣсней станицы Червленной, но въ обѣихъ являются нѣкоторыя общія черты: въ обѣихъ представлена красная дѣвица, ушедшая изъ отцовскаго дома изъ-за мужчины (Алеша Поповича—турецкаго султана)

*) Вып. I-й, стр. 4 и слѣд.

и встрѣчающаяся съ Ильей (Муромцемъ—Муровичемъ), который ее спрашиваетъ. Мы не станемъ чрезъ подобное сопоставленіе пояснять одну пѣсню изъ другой; это значило бы пояснять *obscurum per obscurius*, такъ какъ обѣ въ достаточной степени загадочны; но не можемъ отрицать существованія какой-то связи между симбирской былиной и червленской пѣснею. Быть можетъ, запись какихъ-нибудь новыхъ вариантовъ того же сюжета впоследствии разъяснить эту загадочную встрѣчу Ильи съ красной дѣвицей и мы узнаемъ, какіе были результаты этой встрѣчи для стараго казака и для дѣвицы. Попытки къ уясненію личности „походной красной дѣвицы“ (симбирской былины) были сдѣланы акад. А. Н. Веселовскимъ ¹⁾ и мною ²⁾. По мнѣнію А. Н. Веселовскаго, она отвѣчаетъ Горыничанкѣ или Горыничкѣ другихъ пересказовъ, а имя Алеши подставилось здѣсь по смѣшенію съ другимъ лицомъ. Я указалъ, хотя подъ сомнѣніемъ, на персидскую амазонку Гурдаферидъ, съ которой (въ Шахъ-намѣ) встрѣчается полувраждебно, полублюбовно Сохрабъ. Но то и другое предположеніе въ настоящее время кажутся мнѣ еще болѣе сомнительными, именно въ виду приведенной червленской пѣсни, которая, повидимому, по сюжету приходится сродни симбирской, но не подтверждаетъ никакихъ „амазонскихъ“ свойствъ „походной красной дѣвицы“.

Какъ бы то ни было, не давая почти ничего для уясненія загадочнаго отрывочнаго сюжета встрѣчи Ильи съ дѣвицей, червленская пѣсня все же заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, такъ какъ еще разъ подтверждаетъ распространенность и старинность прозвища *Муровичъ* (срав. *Murovitsa* въ финской сказкѣ, *Муровець* въ запискахъ Панкѣева, *Murovits* у Луиса де-Кастильо, *Муровѣць* въ повѣсти объ Ильѣ по библиотечному списку ³⁾), о которомъ въ послѣднее время накопилось въ нашей литературѣ по эпосу не мало замѣтокъ и соображеній.

Всеv. Миллеръ.

¹⁾ Южно-русскія былины. III—XI, стр. 318.

²⁾ Экскурсы въ область русск. народ. эпоса, стр. 129.

³⁾ См. Л. Майкова—Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. II, 1891, стр. 29 и 11.